

У нас была тактика, и мы ее придерживались

Яшви Садхир

Из-за того, что лошадям пришлось идти шагом всю дорогу, в резиденцию они добрались только уже к вечеру, когда солнце зашло за горизонт, и сразу стало не в пример прохладнее. Девочка все так же велила себя ниже травы и тише воды, не задавала никаких вопросов, но с любопытством, присущим только детям, рассматривала все вокруг. Похоже, что и Аша Прия, как всегда роскошно наряженная, с высокой прической, в которой были дорогие украшения, произвела на нее такое же неизгладимое впечатление, как и на Яшви в свое время. Теперь уже она не была старшей наложницей, а была супругой Его Величества, но кому, как не ей, было решать вопросы женской половины дворца. Аша Прия довольно благосклонно восприняла просьбу Яшви позаботиться о Шанти хотя бы какое-то время, пока они с Сонгцэном не решат, что делать дальше, и повела девочку в ту часть дворца, в которых раньше был гарем, а сейчас там оставались комнаты служанок.

Проводив Шанти взглядом, Яшви вернулась в их с принцем покои, чтобы быстро принять душ после дороги и переодеться из дорожной одежды в более традиционный сари, которые предпочитала носить во дворце. Амрита подготовила ей ее любимое, винного цвета, снова предложила сделать что-нибудь с седой прядью у виска, но Яшви отказалась - она ее никак не беспокоила и ей не мешала, чтобы с ней что-то делать.

- Лучше принеси чай и что-нибудь сладкое, - попросила она Амриту, а сама села за столик, чтобы расчесать немного влажные после душа волосы. Сонгцэна еще не было, видно, разговор с Его Величеством затянулся.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Чем больше Сонгцэн мечтал о том, чтобы оказаться в кровати, тем больше оказывалось новых дел. Он встретился с Его Величеством, чтобы рассказать о происшествии в Риване и поделиться своими мыслями о том, что делать дальше. Дед был не в восторге от идеи завтра с шашкой наголо и с отрядом разогнать торговцев людьми, потому что это было лишь одно из звеньев в цепи, порвать которую один отряд не сможет, но клан наживет проблемы запросто. По мнению деда Сонгцэну предстояло начать переговоры с теми, кого он хотел сжечь живьем. С лазаретом и обучением женщин врачеванию таких противоречий не было, и хотя бы на этот счет удалось договориться.

Шерпа-джи, которую Сонгцэн застал, когда она закончила очередное занятие для лекарей клана, согласилась через два дня поговорить с теми женщинами, кто захочет у неё учиться, чтобы выбрать из них тех, кого она будет учить, чтобы не тратить время на всех подряд. Но взять Шанти в помощницы согласилась сразу: если после занятий в школе девочка будет помогать ей с уборкой в лазарете, со временем, возможно, и ей удастся научиться чему-то путному, помимо того, как

правильно сушить травы и мыть пол. И согласилась обучать Яшви, услышав, что та уже умела. Эти переговоры Сонгцэна более чем устроили.

Он вернулся в их с Яшви покои, встретившись в дверях с Амритой, которая уходила за чаем. Яшви сидела за столиком и расчесывалась, Сонгцэн ей улыбнулся, затем подошел и поцеловал её в щеку.

- Я схожу в душ и переоденусь, потом все расскажу, - сказал он.

Даже к Его Величеству он заходил, не переодевшись в дороги, потому что хотел разобраться с делами быстрее.

Яшви Садхир

К тому моменту, как в покои вернулся Сонгцэн, волосы Яшви уже практически были сухими. Она чуть прикрыла глаза, подставляя ему щеку для поцелуя, и посмотрела на него в отражение в зеркале. По его виду сложно было понять, какими были переговоры с Его Величеством и целительницей из клана сов, и Сонгцэну в любом случае было лучше немного передохнуть с дороги и перевести дух, все разговоры могли подождать полчаса. Отпустив Сонгцэна в душ, Яшви в последний раз провела черепаховым гребнем - чей-то подарок на свадьбу - по волосам, не став сооружать никаких причесок сейчас. Она практически никогда не носила волосы распущенными, тяжелые, они мешали и путались, но во дворце могла себе позволить, когда знала, что вся ее деятельность будет заключаться только в том, чтобы не выходить из покоев.

Вскоре с полным подносом вернулась Амрита, а потом ушла, забрав с собой всю грязную одежду, чтобы привести ее в порядок. Яшви подумала, что она вполне умудрилась прижиться во дворце, и больше не испытывает угрызений совести за то, что игнорирует всякую работу по дому - за нее стирали, убирались и готовили, и ей оставалось только заниматься какими-то другими более приятными делами. Но все равно в Монголии ей нравилось больше, хотя стирка до сих пор воспринималась ею как изощренная пытка. Она могла быть Яшви, принцессой и удган, просто в нужное время примеряла нужные ей роли, уже не пытаясь отказаться от остальных.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн несколько минут стоял под теплым душем, позволяя воде смыть не только пот и дорожную пыль, но и избавить его от ша-ци, чтобы боль в спине перестала его так изводить. Он не знал, сколько времени пройдет до того, как он сможет забыть о травме. Позвоночник был целым, но мышцы все помнили, отвечая на любые нагрузки тем, что быстрее забивались. Это раздражало, но Сонгцэн понимал, что кроме времени и тренировок ничего не поможет, это нужно было просто принять как данность.

Он вышел из душа в пижаме и халате, потому что не планировал никуда ходить до завтрашнего утра. Сонгцэн заметил, что Яшви оставила волосы распущенными, и засмотрелся на неё. На её виске так и оставалась серебряная прядь, которая ей скорее шла, хотя все еще выглядела непривычно. У неё были очень красивые длинные волосы, которые она не часто оставляла распущенными, потому что наверняка это было неудобно, хоть и очень красиво. Сонгцэн сел на подушки

напротив девушки.

- Шерпа-джи согласилась тебя учить врачеванию, и возьмет Шанти помощницей, - сказал он и налил чай Яшви и себе. - С остальными женщинами, кто захочет учиться, она готова поговорить послезавтра, чтобы выбрать тех, кого будет учить.

Он сел удобнее и расправил плечи. Боль уже не доставала, оставалась только усталость прошедшего дня.

- Дед не против, чтобы устроить в Риване лазарет, но считает, что нельзя разгонять торговцев с отрядом, - добавил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви пересела за низкий чайный столик, когда Сонгцэн вернулся, и посмотрела на сладости, которые принесла Амрита и которые так нравились Яшви, потому что раньше ей нечасто приходилось баловать себя, и она не могла отказаться именно от полюбившихся ей сладостей, хотя с легкостью могла пренебречь всем остальным.

- Значит, с женщинами, которые согласятся учиться, нужно будет поговорить завтра, - поняла Яшви, пододвигая к себе чашку с ароматным настоявшимся чаем. Если раньше разговоры об обучении женщин носили скорее теоретический характер, потому что их просто не кому было учить, то теперь появилась какая-то определенность. У Кобр не было своих врачей, кроме Бо-джи, и им приходилось пользоваться умениями лекарей из других кланов, и довольно долго с этим ничего не делали. Оказавшись в такой же ситуации, Алахчит искала способы как можно скорее получить в Орду сильных целителей, заключая удобные союзы. Сначала с зайчихами, которые были готовы остаться, а затем и с Медведями, сильными магами Земли, которые помогали строить новый город. Алахчит как-то будто видела слабые места и во что бы то ни стало пыталась их укрепить всеми силами, Яшви до такой лисьей прозорливости было очень далеко.

- Потому что на место этих торговцев придут другие через какое-то время? - уточнила она.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн кивнул на слова Яшви о женщинах, которые захотят учиться врачеванию у Шерпы-джи. Он надеялся, что хотя бы кто-то покажется ей достаточно серьезной, чтобы знахарка согласилась взять её в ученицы. Потому что Сонгцэну показалось, что та была уверена только в том, что всерьез учиться планировала Яшви и сильно сомневалась насчет остальных.

- Их можно просто прогнать из Ривана, нажив врагов. Но в Риване нет такого количества девушек и такого количества покупателей, чтобы эти торговцы существовали там сами по себе. Их кто-то туда привозит, и кто-то туда за ними приезжает, - сказал Сонгцэн.

Шах-джи уже попытался справиться с продажей наркотиков в окрестностях клана Сурикатов. За ним стояла вся армия клана, а не только маленький личный отряд. И дед явно дал понять, что не собирается ради мира во всем мире ввязываться в войну

всех воинов клана Королевских Кобр.

- Поэтому Его Величество считает, что я должен начать с переговоров. Сказать, что нам не нужны проблемы на нашей территории, поэтому среди девушек не должно быть детей. Работая в лазарете выяснить как можно больше о том, кто за ними стоит, как устроена вся цепь и искать формальный повод для того, чтобы прогнать их из Ривана в тот момент, когда мы будем понимать, с кем вступаем в войну, - объяснил Сонгцэн.

Он понимал, что с точки зрения здравого смысла дед абсолютно прав. Но не был готов согласиться с этим решением, потому что пока он будет ждать и выяснять информацию, пострадают еще девушки. Его Величество со свойственной всем аспидам циничной язвительностью заметил, что не далее как вчера их судьбы Сонгцэна не тревожили, и не тревожили бы сегодня, если бы в чайную не забежала Шанти. Такие моменты принца Кобр бесили особенно, потому что ему нечего было на это возразить, а любой ответ мог привести к неприятному разговору о поездках в Монголию, куда Сонгцэн рвался при первой возможности.

Яшви Садхир

Яшви понятия не имела, как устроена торговля людьми. В целом мало отличалось от торговли теми же лошадьми или другими животными, но на самом деле выяснялись подробности, о которых она раньше даже не задумывалась. Да и не хотела думать, стараясь затолкнуть воспоминания и том дне, когда ее продали, поглубже в недра памяти, откуда те все время всплывали в самый неподходящий момент.

- Как контролировать то, чтобы не продавали хотя бы детей? - спросила Яшви. - Тогда надо постоянно присутствовать на рынке и следить за тем, что там происходит.

Если не можешь обуздать хаос - возглавь его, но сама мысль, чтобы быть причастным к продаже, вызвала отвращение, которое было трудно сдержать. Пока вопросов было больше, чем ответов на них, и каждая новая деталь, как снежный ком, вызвала еще несколько следующих, не менее сложных.

- И как понять, сколько девушке лет, у них же нет документов. Верить на слово? Но сказать можно что угодно, - в деревне Дни рождения как таковые не праздновали, это был просто еще один обычный день. До тринадцати лет Яшви даже не знала, какого числа она родилась, и если бы в тот день не заговорили о том, что ей можно начинать искать мужа. Яшви даже не была уверена, что этот день действительно день ее рождения, и когда для документов нужно было назвать дату, она ее просто придумала.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не знал ответов на вопросы Яшви, он только сейчас задумывался обо всем этом, понимая, что нужно найти решения. Он лез туда, где очень трудно, очень опасно и очень высока цена ошибки, но куда уже не мог не вмешиваться. И не хотел прийти к отцу или деду со словами, что не знает, что делать. Яшви задавала правильные вопросы, и он сейчас мог рассчитывать всерьез только на то, что с поиском ответов поможет она. Хотя бы задавая правильные вопросы.

- Я пока не знаю, как лучше это проверять. Например, чтобы в любой момент на рынок мог прийти наш патруль, и если торговцы не докажут, что девушка взрослая, Кобры заберут её в клан. Тогда торговцам будет не выгодно платить за детей, зная, что эти деньги они могут потерять, - стал рассуждать вслух Сонгцэн. - Но документы можно подделать, а стоимость детей они могут поднять до той, которая покрывает риски.

На рынке нужен был свой человек. Не те, кто будут работать в лазарете помимо него и Яшви, а кто-то, кто не вызовет подозрений. Лучше всего на эту роль подходил Сы-джи, владелец чайного дома, но тот был хитрым, и мог работать на всех. Сонгцэн не знал, как добиться его безусловной лояльности. Но он не знал других жителей Ривана. И здравый смысл велел ему сначала получить больше информации, и только потом что-то решать. И начать стоило с работы в лазарете. Тогда для жителей Ривана он должен был быть влиятельным принцем, который хочет воевать за идею и стремится всем помогать, и эта роль шла вразрез с ролью того, кто будет обсуждать условия, на которых работоторговцы могли остаться в Риване.

- Я думаю, что договорюсь с Оджасом Шахом, чтобы переговоры с торговцами вел он, пусть и от моего имени, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Пока Яшви могла только задавать вопросы, чтобы понимать, что именно хочет делать Сонгцэн, потому что он лучше понимал, как устроена вся эта политика и как вести переговоры. Яшви было проще спросить ясно и прямо, чем пытаться прорваться сквозь витиеватую вязь намеков и полутонов. Как бы ей научиться быть такой же хитрой, как Алахчит, вот уж кто наверняка сумел бы договориться.

Оджас Шах ей не нравился. Не только потому, что для Яшви не существовало других мужчин, кроме Сонгцэна, которые могли бы ее заинтересовать, но еще и потому, что он казался ей скользким, как уж. Впрочем, стоило напомнить себе, что он все-таки Кобра, и не возлагать на него так уж много надежд. Ей хватило одной с ним беседы, чтобы потом избегать общения любыми способами, но она не сказала бы, что он сам как-то искал с ней встреч, что ей было только на руку. Он вроде бы был вежливым, не говорил ничего такого, вел себя вполне дружелюбно, но от его внимательного взгляда хотелось укрыться, а потом еще желательно и помыться.

- Думаешь, он станет помогать? - уточнила она и снова наполнила чаем чайные чашки, потому что не заметила, как первые успели опустеть. - Он не показался мне человеком, который готов делать что-то только ради идеи.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на то как Яшви разливала чай. У неё были руки лучницы, и ему было приятно за ними следить взглядом. Сейчас, когда они были наедине, он мог не отводить взгляд от Яшви, и каким бы серьезным ни был их разговор, он не забывал замечать, как она ему нравилась. Наверное, впервые он это почувствовал именно в тот день, когда он увидел, что Оджас Шах подошел к ней знакомиться, и Сонгцэн очень явно почувствовал ревность. Сейчас у него не было никаких причин ревновать

её к кому-либо, он был в ней уверен. А Оджас при всем разнообразии своей личной жизни прекрасно понимал, куда лезть не стоило.

- Он выполнит приказ, - ответил Сонгцэн. - Оджас не в моем отряде, но условия, которые должны выполнять торговцы, согласованы Его Величеством.

При этом как бы Сонгцэн ни относился к Шаху-младшему, он считал, что Оджас тоже сочтет дикостью произошедшее с Шанти и захочет помочь с тем, чтобы навести в Риване порядок. Королевские Кобры, в отличие от Белых Тигров, никогда не стремились считаться хорошими, но у них тоже были понятия безусловного зла, с которым нельзя мириться. Но при этом Оджасу было проще исполнить роль того, кто способен общаться с работоторговцами с деловой точки зрения, Сонгцэн не был в себе настолько уверен.

- Я думаю поехать завтра поговорить со старостой деревни, чтобы договориться насчет лазарета, - сказал Сонгцэн. - Когда Шерпа-джи определится с уроками для женщин, мы сможем понять, в какие дни ездить в деревню.

Яшви Садхир

Яшви не стала возражать. Ей было не так просто видеть хорошее в людях, но Сонгцэн знал людей из своего клана куда лучше, чем она, тем более, если он мог опираться на разрешение Его Величества. В понимании Яшви, если Сонгцэн был младшим принцем, его должны были слушаться все остальные воины клана, хотя помимо него были его и принц Кэйлаш и сам Его Величество. Который наверняка уже не командовал никакими отрядами, но обладал абсолютной властью над всеми остальными. Все боевые командиры должны были подчиняться Сонгцэну, или как вообще это было устроено?

Она поняла, что слишком мало интересовалась укладом Кобр. Яшви ничем не отличалась от жителей своей родной деревни, упрямо отрицая все новое и предпочитая его избегать, чем к нему приспособливаться. В резиденции она мало с кем общалась, не стремилась заводить себе друзей и практически не выходила из их покоев, ограничиваясь походами в библиотеку или на конюшню. Теперь она и половины не понимала из того, как устроена жизнь в клане, а ведь у нее было достаточно времени во всем разобраться.

- Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? - спросила она. - Тебе не будет тяжело два дня подряд провести в седле?

Она замечала, как он пытается тянуться в седле, усаживаясь поудобнее, или потирает спину, потому что еще не до конца восстановился после травмы. И Яшви не знала, сколько еще времени должно пройти, пока Сонгцэна не перестанут беспокоить последствия.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви была единственным человеком, с кем Сонгцэн был готов откровенно говорить о своем самочувствии. Она видела то, что он маялся половину дороги от Покхары до Ривана, потому что спина давала о себе знать. Но дорога от клана до деревни была намного короче, и Сонгцэн считал, что достаточно откладывал дела, и завтра стоило

поговорить со старостой.

- Я буду рад, если ты поедешь со мной, - ответил он.

Яшви по понятным причинам не любила Риван, и Сонгцэн не стал бы просить её поехать с ним еще и завтра, если бы она не предложила сама. Завтрашний разговор не должен был занять много времени, и максимум, что еще можно было сделать в деревне - это переговорить с владельцем чайного дома.

- Мне нужно двигаться, чтобы мышцы быстрее восстанавливались, а до Ривана не так далеко ехать, - сказал Сонгцэн. - Мне и к тренировкам нужно вернуться. Сейчас я бы не сдал экзамен на право ношения оружия.

В Монголии он практически не тренировался, магией не занимался вовсе, а перед отъездом в клан Лис каждая из тренировок давалась с большим трудом. Он даже не пытался быстро переключаться с магии Огня на магию Воды, потому что дыхания и так не хватало, чтобы чисто выполнить основные ката хотя бы три-четыре раза подряд.

Яшви Садхир

- Ты уже его сдал и никому не должен доказывать что-то снова. Это была серьезная травма, тебе нужно просто восстановиться, - вряд ли от него требовали как можно быстрее прийти в форму, чтобы дальше выполнять свои воинские обязанности. Всё-таки родные его любили и видели в нем живого человека, а не просто средство для исполнения приказов Его Величества. Сонгцэн терпел и не жаловался, Яшви понимала его, но понимала ещё и то, что переживает за него и не хочет, чтобы он делал себе хуже.

- Я хочу зайти на рынок и посмотреть, будут ли там торговцы снова, - ответила она. Яшви не тянуло в тот узкий проулок, и она скорее бы добровольно переломала себе ноги, чем согласилась туда вернуться, но им нужно было лучше понимать, с кем они имеют дело, и ради этого стоило переступить через себя. Без важной причины она бы и дальше обходила это место стороной, слишком яркими были воспоминания того дня, чтобы не обращать на них внимания.

- Сонгцэн, мне нужно тебя спросить, - вдруг сказала Яшви, резко кое-что вспомнив. - Надо ли закрывать балкон на ночь, чтобы не впускать комаров?

Ещё даже не договорив, Яшви поняла, как идиотски это звучит. Эти принцессы, воспитанные в тепличных условиях, ничего в жизни не понимают и считают комаров самой большой проблемой. У них тут вопрос о торговле девочками встал ребром, и вообще некогда о комарах ещё думать.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мне не нужно доказывать другим, но мне самому непривычно быть в таком состоянии. Сегодня в Риване мне было страшно, - признался Сонгцэн.

У него при себе не было оружия, а на магию он не мог рассчитывать в той мере, в которой привык. Он просто надеялся, что торговцы с рынка знали о том, что он маг,

и не стали бы рисковать ради сбежавшей Шанти, вступая с ним в бой. Иначе ему нужно было рассчитывать на помощь Яшви больше, чем на себя. Он посмотрел на девушку, когда она сказала про рынок. Сонгцэн был уверен, что она ужасно не хотела оказаться там снова, но кивнул, не став отговаривать. А потом Яшви задала очень странный вопрос, над ответом он всерьез задумался.

- Там висит занавеска, чтобы они не особо летели, - сказал Сонгцэн. - Но если тебе мешают комары, давай закроем.

Он не часто замечал комаров во дворце. В комнатах часто жгли благовония, которые их отпугивали. Сонгцэн привык спать с открытым балконом и раньше даже не обращал на это внимания. Яшви ни разу не говорила прежде, что ей это не нравилось. Но он не видел никакой проблемы в том, чтобы этот балкон закрыть.

Яшви Садхир

Яшви не стала продолжать тему экзамена, потому что у нее возникло смутное ощущение, что они сейчас опять начнут говорить каждый на своем языке и непонятно до чего договорятся.

- Нет, мне не мешают, - ответила Яшви. В Непале климат был намного мягче, чем в той же Монголии, где ночи были действительно морозными, особенно зимой, и без открытого балкона во дворце будет душно, поэтому Яшви казалось само собой разумеющимся спать с открытым окном. - Я подумала, может быть, мешают тебе, мы просто никогда это не обсуждали.

Постаралась выкрутиться Яшви, понимая, что больше никогда такие вопросы не будет обсуждать с Сонгцэном, потому что как раз в этом они договориться могут. Не могут иногда во всем остальном. И, кажется, не все советы беглых принцесс стоит воспринимать на веру, а лучше делить на два те, которые кажутся странными. Ей ужасно не хотелось признаваться принцу, что она как-то обсуждала их личную жизнь с ее названной сестрой, потому что должны же быть у женщин свои маленькие секреты и беседы, когда они говорят про мужчин и том, какие они все....не такие.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн немного удивленно посмотрел на Яшви, думая, с чем был связан вопрос про балкон. Обычно они оставляли его открытым, и, действительно, никогда эту тему не обсуждали. Через него можно было при желании сбежать из дворца ночью во время смены стражи так, что никто не заметит. С другой стороны дворца это было сделать проще, именно так выбиралась Маниша Шах. Но Сонгцэн подумал, что вряд ли дело было в том, чтобы сбежать из дворца под покровом ночи ему или Яшви, да и балконная дверь при необходимости открывалась бесшумно.

- Я скажу, если мне будет что-то мешать, - сказал Сонгцэн. - Надеюсь, что и ты тоже мне скажешь. Например, я - маг Огня, и поэтому почти не мерзну, даже не обращаю на это внимание. И могу не понимать, когда тебе холодно.

Если они куда-то забирались с Юншэном в монастыре и не успевали вернуться домой до вечера, то Лю-младший не стеснялся говорить прямым текстом, что

задубел и пора домой. Но Сонгцэн сомневался в том, что Яшви привыкла обращать внимание на собственный дискомфорт.

- Сейчас мне мешает то, что у меня устала спина, и мне сложно сидеть, поэтому я пойду лягу, - сказал он. - Буду рад, если ты пойдешь со мной.

Яшви Садхир

- В Непале тепло, - ответила Яшви. - Но если мне будет холодно, я просто оденусь теплее.

Зимой становилось чуть свежее, чем обычно, но не настолько, чтобы во дворце можно было замерзнуть, к тому же в комнате был очаг, который зажигали для уюта и обогрева помещения. И Яшви привыкла решать свои неудобства сама, одеваться теплее, когда было холодно, или надевать тонкое легкое сари, когда жарко, а не открывать/закрывать двери и окна. При этом она не думала, что как-то сильно ограничивает себя, когда предпочитает просто не обращать внимания на дискомфорт.

Но ладно, комаров они все-таки обсудили, можно поставить напротив этого мысленную галочку и больше ни к чему подобному никогда не возвращаться. Можно сказать, что это был еще один шаг в попытке уметь договариваться, хотя, как показал ответ Сонгцэна, договаривать здесь было в общем-то особо не о чем. Странно это все-таки.

Сонгцэн признался, что у него устала спина, и он предпочел бы дать ей отдых, а не сидеть за столиком дальше.

- Сейчас приду, только скажу Амрите, чтобы убрала здесь, - Яшви поднялась, чтобы позвать девочку и передать ей свою просьбу, но это не заняло много времени, так что она уже спустя пару минут вошла в спальню.

- Я хотела попросить тебя еще раз показать мне ту купальню, - сказала она. - Теперь мне кажется она мне понравится.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн встал из-за стола и потянулся, разминая затекшую спину. Боль не успела вернуться, но все равно хотелось лечь в кровать, чтобы отдохнуть после дня, проведенного в дороге. И этой ночью в этой комнате ему не захочется лезть на стены, потому что Яшви будет рядом. Он до последнего не был уверен, что она уедет с ним, а не задержится у Лис, и Сонгцэн не хотел думать, что сейчас с ним бы происходило, если бы он вернулся один.

Он пока не стал снимать халат, дожидаясь, когда Амрита закончит наводить порядок. Девочка безропотно слушалась Яшви и явно была ей благодарна за возможность вырваться из Ривана. Такие союзники очень ценны, даже когда во дворце уже не было гарема.

- Мы можем пойти туда завтра вечером, - предложил Сонгцэн.

После обеда он планировал тренироваться и понимал, что будет после этого не в лучшем состоянии. Но рядом со стихией Воды будет проще восстановить силы, купальня была создана, чтобы там отдыхать, а не преодолевать себя.

Яшви Садхир

Дождавшись, пока уйдет Амрита, Яшви принялась распускать многочисленные слои сари, чтобы переодеться в ночную рубашку или пижаму - она еще не решила. Это была довольно сложная и хитрая намотка, которую она в свое время подсмотрела у наложниц, и это было единственное, что она от них переняла, потому что это оказалось и в самом деле удобно и красиво.

- Надеюсь, туда не вернулись вазоны с розами, - непримиримость с розами была непреодолимой, но это было как раз то, с чем Яшви даже не собиралась бороться.

Она честно пыталась найти в резиденции что-то, чтобы чувствовать себя здесь комфортнее. Велела вынести из ее шкафа всю ту одежду, которую ей надарили и в какой она чувствовала себя шкатулкой с драгоценностями, настолько много там было вышивки и украшений, и оставила только те наряды, к которым лежала душа. Вместо розовых кустов в уголке сада под их балконом устроила свой собственный садик, с барбарисом, кизилом и шелковицей. Избавила от несметного количества духов, мазей, притирок и прочей косметики, которой никогда в жизни не пользовалась и не планировала, и оставила только те краски, которыми рисовала риутальные узоры на лице для вхождения в транс. Запретила зажигать слишком сладкие благовония - почему-то все непременно с запахом роз - и выбрала те, которые нравились бы ей самой. В прошлый раз купальни не вызывали у нее должного отклика. Сонгцэн считал, что она может слышать воду, Яшви считала, что она воду не понимает. Но она не понимала вовсе не воду, а саму себя, оттого и не слышала то, что происходило вокруг.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Уверен, что не вернулись, - ответил Сонгцэн.

Во дворце уже не было гарема, а служанки ловили желания Яшви и старались их исполнять. Аша Прия, судя по всему, любила живые цветы, но цветочные композиции, украшавшие центральные помещения дворца, были разнообразными, и многие из этих цветов Сонгцэн по названиям не знал. Мать вряд ли вообще обращала внимание на то, какие цветы росли в саду, а какие украшали комнаты.

Яшви принялась снимать сари, и Сонгцэн отвернулся от окна, засмотревшись на неё. Он не представлял, как Яшви умудрялась носить этот наряд, сматывая его из нескольких метров вышитой ткани. Это было очень красиво, но за то время, что они были женаты, Сонгцэн не научился снимать с Яшви этот наряд. Потому что помимо хитрых драпировок ткани там были булавки, которые это все удерживали, и он понятия не имел, где они находились. Он снял свой халат, оставшись шелковой пижаме, и отнес его в ванную, после чего вернулся в комнату к Яшви. Подошел к девушке, обнял её за талию, стараясь не запутаться в ткани, и коснулся губами волос над её ухом.

- Тебе очень идет сари, - негромко сказал он. - Но я не представляю, как оно

снимается.

Яшви Садхир

Яшви нечасто слышала комплименты, и всегда несколько терялась, потому что не считала свою внешность какой-то особенной. Для женщин напали она была довольно высокой, чересчур смуглой, с широкими плечами лучницы и руками, которые в этой жизни знали большее стирки, чем деликатного ухода. У нее только недавно окончательно сошли следы от стирки, которые год за годом украшали ее руки - потрескавшаяся от холодной воды кожа на сгибах, покраснения в тех местах, где раньше были мозоли и волдыри.

- Намного проще, чем надевается, - Яшви едва заметно улыбнулась, скидывая с плеча длинный свободный конец, обильно украшенный золотым шитьем, потому что обычно именно эта часть сари демонстрировалась чаще других, и по ней можно было легко понять, отвалили за вышивку полцарства или нет. Яшви считала, что если и отвалили, то как минимум четверть, потому что это сари было ещё не самым украшенным. А по сравнению с ее свадебным нарядом и вообще выглядело довольно скромным. Оно было из какой-то приятной на ощупь мягкой ткани, названия которой Яшви не знала, как и чоли и нижняя юбка.

- Хочешь...хочешь подскажу, где булавки? - предложила она, пока больше ничего не делая с сари дальше и даждаясь решения Сонгцэна.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн заметил улыбку Яшви и улыбнулся в ответ. Он коснулся губами её губ, пока не сильно увлекаясь, потому что чувствовал, что ему предстояла непростая задача, в которой спасало лишь то, что девушка сама предложила ему подсказать насчет булавок. Но это был навык, который ему стоило освоить, потому что во дворце Яшви носила сари достаточно часто, а без него она выглядела еще лучше, чем в нем. И происходившее сейчас Сонгцэн воспринимал как игру, в которой победить могли оба.

- Хочу, - ответил Сонгцэн, ловя взгляд Яшви.

Он провел рукой по волосам девушки, проследив взглядом за серебристой прядью, блестевшей среди темных локонов. Те дни, что они провели порознь, наконец-то закончились, и Сонгцэн хотел верить, что дальше все будет лучше. Он обожал Яшви, и сейчас не хотел думать ни о чем, кроме того, что она с ним рядом, и они вернулись в Покхару вместе. Даже усталость, мыслям о которой была посвящена значительная часть этого вечера, сейчас была забыта. Максимум, на что сейчас стоило отвлечься - это на вопрос, где же в многочисленных складках её наряда хитро прятались булавки.

Яшви Садхир

- Одна здесь на плече, - начала неторопливо рассказывать Яшви, что у Сонгцэна была возможность найти булавку самостоятельно. Было волнительно, но это волнение оказалось приятным, похожим на сладко-мучительное ожидание. Ткань была тяжёлой и охотно спадала с тела, когда ее переставали удерживать булавки.

- Ещё одна - вот здесь, сбоку, - подсказала она, указывая на край ткани, который шел наискосок через грудь, плотно прилегая к правому боку, и там был прикреплен к топу чоли золотой булавкой. Можно было обходиться без булавок, но тогда предполагалось, что в сари нужно ходить медленно и не торопясь, стремительная и резкая Яшви так не умела в принципе, поэтому предпочитала потратить пять минут на булавки, чем потом постоянно поправлять съехавшие края.

Традиционно женщины народности невари, к которой относилась Яшви, носили черную с красным подолом юбку, а замужние женщины - зелёный бисерный пояс через плечо и ещё кучу других атрибутов, но это касалось, в основном тех женщин, мужья которых могли себе позволить ткань подороже и бисер покрупнее. Яшви предпочитала обходиться одним обручальным кольцом и уж точно не звенеть по всему дворцу бусами, как это любили делать то же наложницы, навешивая на себя все самое дорогое, что у них было, чтобы неизменно привлекать к себе внимание.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

С дэгэлом было проще справляться, но с сари интереснее. Сонгцэн нашел золотую булавку на плече, ловко спрятанную в ткани и осторожно её отстегнул, позволяя ткани соскользнуть с плеча Яшви. И следующая булавка, крепившая наряд на боку, показалась сама, потому что мешала складками сари распадаться дальше. Её Сонгцэн также отстегнул и сразу закрыл, как и первую, чтобы можно было не думать о них вовсе, когда ткани, скрывавшей от него Яшви, станет меньше.

Под сари были еще топ и наверняка нижняя юбка, но с ними все было куда понятнее. Сонгцэн не представлял, как Яшви умудрялась соорудить из этой ткани этот сложный наряд. В нем не получится сесть в седло и будет неудобно стрелять из лука, но Яшви в нем становилась Её Высочеством и принцессой клана Королевских Кобр в том образе, в котором её хотели видеть во дворце. И магия этого перевоплощения была не проще тех, что были известны Сонгцэну.

Он позволил следующей волне ткани соскользнуть на пол, затем убрал с плеча Яшви локоны волос, коснулся её шеи губами и провел ладонью по её спине.

- Где следующие? - спросил он.

Яшви Садхир

Яшви понимала, что сама справилась бы с сари намного быстрее, но ей казалось, что Сонгцэну могло быть интереснее разобраться в том, где же все-таки прячутся все эти булавки. В этом было что-то особенно интимное и нежное, когда он вот так, булавка за булавкой, разворачивал слои ткани, чтобы добраться до следующей, хитро спрятанной в складках. Нежное, но и немного непривычное для Яшви.

- Дальше с другой стороны на поясе, а потом там, где складки, и снова на боку, - тихо ответила Яшви, потому что от дыхания Сонгцэна не шее вдруг по спине следом за его ладонью побежали мурашки. Томительное ожидание продолжения становилось практически что осязаемым.

На последней булавке заканчивалась основная, нарядная часть сари, потому что

остальная, без вышивки, считалась нижний слоем, и просто оборачивалась вокруг бедер и заправлялась краем за пояс нижней юбки. Она прекрасно держалась и без булавки, хотя на самом деле булавок было намного больше, чем просто пять или шесть - многие из них держали складки сари между собой в нужном положении, чтобы их не нужно было каждый раз заново пристраивать и формировать - в этом тоже была целая наука, как складывать ткань, чтобы получилась красиво, а не просто так, будто впереди висит кусок ткани.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн поцеловал Яшви в губы, затем принялся искать оставшиеся булавки, чтобы справиться с оставшимися слоями сари. Он хотел расправиться с ними быстрее, но боялся уколоть девушку, поэтому был настолько осторожен, насколько это получалось. Когда край наряда, который просто держался под резинкой юбки, был побежден, и сари оказалось на полу, Сонгцэн поцеловал девушку более жадно. Он отвлекся лишь на несколько мгновений, чтобы ссыпать на столик перед зеркалом золотые булавки, которые были в его руке.

- Сари красивое, но без него ты выглядишь еще лучше, - сказал Сонгцэн, проводя ладонью по бедру Яшви и собирая тонкую ткань нижней юбки, чтобы забраться рукой под неё, добравшись до обнаженной кожи на бедре девушки. - Люблю тебя.

Он вновь поцеловал девушку в губы, жадно и требовательно, потому что эта увлекательная возня с сари его раздражала, распаляя его желание, но он ждал того, как будет дальше реагировать Яшви. Ему нравилось, какой она была сейчас, будто она диктовала в этой игре правила, а он шел за ней, их соблюдая.

Яшви Садхир

Яшви практически не двигалась до того момента, пока последняя булавка не оказалась отстегнута, а ткань не спала к ногам, ничем больше не удерживаемая. Она видела во взгляде Сонгцэна интерес и даже азарт справиться с сари самому, и это оказалось очень приятно, понимать, что это вовсе не сари вызывает в нем также эмоции, а она сама в этом сари, от которого он хотел избавиться. Долгое время Яшви привыкла не замечать себя за кем-то или чем-то другим - вещами, обстановкой, чужими ожиданиями - считая себя невыразительной и незначительной, и примеряла себя под других, а не других под себя. Попад впервые во дворец, она подумала о том, что она этому месту не подходит, а не это место не подходит ей. Надевая красивое сари, она видела только красивое сари, а не себя в нем. И только сейчас, услышав от Сонгцэна это, наверное, в сотый раз, наконец начала осознавать, что каким бы красивым ни было сари, ему все равно захочется его с нее снять, чтобы увидеть без него.

Это был бы прекрасный повод для Яшви загнаться, что в сари она выглядит так же нелепо, как и в любом другом красивом наряде, и что лучше даже не пытаться пристроить корове нарядное дорогое седло, но, к счастью, до этого Яшви не додумалась.

Она, наконец, позволила себе обнять Сонгцэна за плечи, прижаться крепко, чтобы поцеловать его в ответ. Она заставила Сонгцэна сделать несколько шагов назад, чтобы он мог опуститься спиной на кровать, и, подобрав длинную юбку, последовала

за ним,устроившись на его бедрах и наклонившись, чтобы снова поцеловать.
